

Му Синчэнь озадаченно спросил:

— Раз всё так, почему мы не остановили их до начала свадьбы?.. Ждать церемонии же намного хлопотнее.

— Вырывать сорняк надо вместе с корнем. Брат Ци наверняка решил забросить длинную леску и поймать крупную рыбу. Бай Юй очень сильно заиклена на учителе Фане, поэтому вряд ли позволит одной марионетке выйти за него замуж вместо себя. Может, во время клятв сама заменит её и лично обменяется кольцами и обещаниями, — предположила Мяо Юэ.

Ци Гу думал так же, поэтому кивнул:

— Всё равно что я не стал бы пользоваться марионеткой, чтобы есть свои любимые снеки.

Пубу Гэсан в это время почти целиком зарыл голову в огромную коробку свадебных сладостей, выбирая лакомства. Услышав, тут же поднял голову:

— Снеки? Какие снеки?

Мяо Юэ привычно сказала:

— Я отдам тебе все снеки из своей коробки, а ты мне — хрустальный стакан из неё.

Ей как раз не хватало до комплекта.

Пубу Гэсан тут же закивал как заведённый, ещё и решив, что обманул систему. Он мгновенно завершил обмен, боясь, что если промедлит, выгодную сделку перехватит кто-нибудь другой.

Тем временем Линь Ханьчжи и Ци Гу молчали: один только подкладывал еду другому, а второй только ел.

Поскольку делали они это слишком естественно, трое младших уже вообще не обращали внимания — полностью привыкли.

Ну подумаешь, один накладывает, другой ест. И что такого?!

Через полчаса почти все гости прибыли. Встреча приглашённых закончилась, и молодожёны ушли в отдельную комнату поправить макияж и привести себя в порядок перед церемонией.

Родителям невесты ещё предстояло проводить её по сцене, поэтому Фан Хэн первым вернулся за главный стол и сел ждать начала.

Когда он пришёл, Линь Ханьчжи добровольно взял на себя задачу заранее подготовить его к удару.

— Господин Фан, как вы в последнее время? Сердце в порядке? — спросил он с поразительно метким выбором темы.

Услышав первую половину, Фан Хэн уже собирался улыбнуться и ответить, но после второй его улыбка намертво застыла. Он глубоко вдохнул и медленно сказал:

— Если есть что сказать — говорите прямо.

— С Ма Шу что-то не так. Это марионетка под управлением Бай Юй, — сообщил Линь Ханьчжи.

Лицо Фан Хэна стало мертвенно-бледным. Хорошо, что он сидел: иначе сейчас не удержался бы даже на трости. Грудь сильно задрожала. Он несколько раз глубоко вдохнул и только потом с трудом спросил:

— Насколько вы уверены?

— На сто процентов, — ответил Ци Гу.

Фан Хэн горько усмехнулся и обессиленно откинулся на спинку стула:

— ...Ну что это за судьба у нашей семьи? Жена умерла рано, Юаньвана ещё и эта демоница выбрала своей жертвой... Мастер, в этот раз вы сможете окончательно её поймать?

Ци Гу держал палочки и совершенно невозмутимо ответил:

— Мы и не сказали вам до церемонии именно потому, что хотим решить вопрос раз и навсегда.

Линь Ханьчжи подробно объяснил Фан Хэну ход рассуждений, немного успокоил его и спросил:

— Вы общались со старшими из семьи Ма. Они, судя по всему, не марионетки. Не замечали в них ничего странного?

Фан Хэн помрачнел и принялся внимательно вспоминать. То, на что раньше он не обращал внимания, теперь и правда выглядело подозрительно.

Например, Ма Шу никогда не брала блюда, которые готовила её мать и которые, по её словам, были любимыми блюдами дочери.

Или родители путали любимый цвет одежды Ма Шу.

Подобных мелочей было много.

Тогда Фан Хэн лишь решил, что родители Ма не слишком хорошо знают свою дочь, и даже подумал: когда они станут одной семьёй, он будет запоминать такие вещи внимательнее, чтобы не расстраивать невестку.

Теперь же становилось ясно: всё это были промахи Бай Юй, которой пришлось импровизировать в спешке.

Смешно — а он действительно старательно всё запоминал.

Фан Хэн слишком привык страдать. Сейчас, кроме состояния полного оцепенения, у него уже не осталось сил на другие эмоции. Он лишь тупо смотрел, как всё продолжает идти по плану.

После бодрого вступления ведущего и искренней речи Фан Юаньвана родители Ма взяли Ма Шу под руки и медленно повели по длинной красной дорожке. Теперь на ней было белое свадебное платье, сплошь расшитое жемчугом. Нежная, спокойная красота — ни тени безумной одержимости Бай Юй. Но Фан Хэна под сценой от одного взгляда пробирала дрожь.

— Мастер... — поторопил он.

По расчёту Ци Гу, сейчас в теле Ма Шу уже должна была находиться сама Бай Юй. Но после короткой проверки он быстро понял: перед ними по-прежнему та же марионетка.

Ци Гу ошибался редко. Он на две секунды застыл, затем понял:

— Бай Юй не пришла... Я неправильно её понял. Ей на самом деле всё равно, кто произносит клятвы. Это слишком чистая романтика для неё. По-настоящему её волнует момент, когда Фан Юаньван действительно станет принадлежать ей. То есть она, скорее всего, появится в брачную ночь.

Фан Хэн поперхнулся. Мертвенная бледность лица сменилась краснотой:

— Мастер Ци, тогда невинность моего сына... его... невинность?

Даже ему самому эта фраза показалась абсурдной, и он осёкся на полуслове.

Ци Гу серьёзно сказал:

— Не волнуйтесь. Мы приложим все силы, чтобы защитить... невинность учителя Фана. Оставьте нам соседний номер рядом с их комнатой.

Раз ждать Бай Юй придётся до завершения банкета, Ци Гу больше не пришлось переживать, что сегодняшняя еда пропадёт зря. Когда на стол подали королевского краба, лобстера и остальные горячие блюда, он сосредоточенно занялся ужином.

Когда он доел огромную крабовую ногу толщиной с бутылку тоника для лица и снова поднял голову, Фан Юаньван и Ма Шу уже сменили наряды на костюмы для обхода столов и ходили по залу с бокалами, принимая поздравления.

Родители Ма тоже сели за стол и ели, словно жевали воск.

Раньше Фан Хэн неправильно понял эту супружескую пару. Теперь же, зная правду и примерно догадываясь о судьбе их настоящей дочери, он осторожно спросил:

— Сват, сваха, вам не кажется, что в последнее время с вашей Шушу что-то не так?

Стоило ему произнести эти слова, как лица родителей Ма, которые и без того едва притрагивались к прекрасным блюдам, стали ещё хуже.

Отец Ма позеленел:

— Ч-что ты имеешь в виду? Дети уже поженились... Какие могут быть проблемы с Шушу?!

У матери Ма защипало глаза, и по щекам тут же покатились слёзы. Она всхлипывала, не в силах остановиться.

Это были её родные родители. Как они могли не заметить, что характер дочери полностью изменился? Они тревожились, строили догадки, мучились — и ни разу не осмелились произнести их вслух.

Пока не скажешь, остаётся надежда. Можно продолжать убеждать себя, что нынешняя Ма Шу — всё ещё их родная дочь, которую они вырастили своими руками, выкормили глоток за глотком, ложку за ложкой.

Но она была другой.

Характер — другой. Манера речи — другая. Всё, изнутри и снаружи, было другим.

Только оболочка оставалась совершенно той же. И иногда эта оболочка естественно повторяла

привычные жесты настоящей Ма Шу: попробовав что-то вкусное, слегка загибала уголки губ; радуясь, машинально сжимала правую руку в кулак.

Ночью супруги Ма сидели в комнате и тихо, почти радостно рассказывали друг другу о таких крохотных открытиях, снова и снова убеждая себя: это их Шушу. Шушу по-прежнему здесь.

А стала она такой, наверное, потому что влюбилась или пережила что-то тяжёлое.

Несколько месяцев супруги Ма осторожно жили внутри иллюзии, которую сами понемногу сплетали. Они без конца искали доказательства того, что с Ма Шу всё хорошо, и обманывали самих себя.

Как страусы, спрятавшие головы в песок и пытающиеся убежать от истины, способной свести человека с ума.

До самого момента, когда бежать стало больше некуда.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/19046/1949237>